

Имени Грибоедова

ТЕАТР имени Грибоедова, русский театр братской республики, расположенный в театральном городе рядом с сильнейшими драматическими коллективами Грузии — театрами имени Марджанишвили и Руставели... Хранит ли он в этом серьезном соревновании свою творческую самостоятельность или движется в орбите театров-соседей по путям, ими проложенным? Как он дополняет общую картину развития сценического искусства в одной из крупнейших республик Союза ССР?

Театр открыл свои выступления в Москве «Грозным годом». Спектаклю нельзя отказать ни в слаженности, ни в серьезности; нельзя сказать также, что молодой режиссер А. Випман недостаточно проницателен в исторических документах эпохи, на которых построена пьеса А. Кнелера. Но воздуха эпохи, ее романтики почти не ощущается в тбилисском спектакле.

И все же смотришь спектакль, знаешь его слабости и не можешь не радоваться многим его отдельным удачам. К. Мюфке в работе над образом В. И. Ленина удается достичь внешнего сходства и донести до зрителя многие ленинские черты. Мы видим в спектакле Ленина непреклонным и милым, суровым и человечным. Вот мелькнули в короткой сцене характерные, любовно выписанные фигуры крестьян-ходоков; вот Ю. Шевчук в роли Ведущего своей внутренней чистотой и волевым захватил на мгновение зал... Как драгоценные камни, сверкают эти эпизоды в спектакле, заставляя с волнением ждать: что-то покажут нам грибоедовцы в следующих своих постановках.

Героическая драма В. Дарасели «Кикидзе» воссоздает на сцене образ грузинского Чапаева — легендарного командира Кикидзе. В этом спектакле есть единство дыхания, которого так не хватает «Грозному году». Суровый колорит времени, его просветленность и его пафос ощутимы здесь с первых же минут действия. Спектакль решен условно и в то же время правдиво. Режиссер М. Ольшаницкий и художник Е. Довдзова умело и выразительно воспроизводят в нем степную даль и путаницу путей на железнодорожной станции, и грубые бревна наката над штабом дивизии, и покосившийся телеграфный столб над насыпью, изуродованной войной. Здесь есть люди, есть судьбы, которые волнуют; главное же — есть герой, которого горячо принимает зритель.

Дело даже не в том, что И. Русинов характеризует Кикидзе действительно всесторонне: в бою и на отдыхе, в порыве подвига и в тихих ночных раздумьях, в минуты веселья и тревожные, в действиях и в мечтах. Дело в том, что его Кикидзе — личность действительно самобытная и в своей легендарности человечная.

После «Кикидзе» многое становится ясным. Театр имени Грибоедова — это театр актера, театр строгих реалистических принципов, знающий цену ансамблю, но весьма уважительно относящийся к индивидуальному мастерству. В этом театре ценят живую и яркую характерность, броское искусство эпизода, умение передать на сцене национальный колорит. Здесь заботятся о чистоте русской речи, высоко ценят слово, хотят, чтоб оно было всегда выпуклым, многозначным. Это театр русской драмы в прямом и точном смысле этого большого понятия.

Это подтверждает и спектакль «Расточитель» Н. Лескова в постановке главного режиссера театра Е. Брилли. Спектакль этот в хорошем смысле слова традиционен. Кажется, что именно так играли когда-то большие русские актеры, но в то же время это спектакль современный, спектакль «режиссерский». Ясность его замысла питает собой многообразные актерские удачи.

В спектакле встает Русь пореформенная, уездная, полоторговая-полуфабричная, с глухими слухами о новых судах, готовящихся пресечь вопиющие купеческие беззакония. Но страшная сила — купеческий «мир». Там всегда

найдут способ поднять под себя закон, не побоясь прийти к благоденствию по костям человека. А рядом с людскими корысти, людским расчетом — честный и прямодушный Молчанов (белая ворона в купеческой стое) и простая женщина Марина Гуслярова. Не им суждено разбить эту купеческую твердыню; исторически они бессильны, но самой гибелью своей, тем, что, не сложенные, умирают, они заставляют в испуге отпрянуть тех, кто так спокойно было перешагивал через эти разбитые жизни.

В гневных порывах Молчанова — И. Русинова живет большая сила обвинения, но сам он при этом остается не героем. Нельзя забыть горячие глаза Молчанова, его лица, нервного и детски-чистого, его способности вспыхивать и тут же угасать при виде зла, непостижимого его уму, уму порядочного человека. Историзмом отмечена и работа других актеров. В ней нет модернизации, поисков «социального протеста» в ущерб субъективной правде образов. Герои этого спектакля, если и протестуют, то так, как делала это Катерина Островского, — самым фактом своей жизни и своей смерти.

Так гибнет самоотверженная и тихая Марина, предпочитая смерть компромиссу, отказу от своей любви. Н. Бурмистрова играет эту роль как большая актриса, как русская героиня в широком смысле. Исторически точно сыгран добрый и справедливый Калина (Д. Славин): его доброта пасует перед настоящей купеческой мудростью «одна на мир не челобятчик».

А на другой стороне — влостодный, злобствующий Князев — А. Ермаков — душа купеческого беззакония; продажный шляхтич Минутка — И. Бросевич — олицетворение плути и страсти к плутне; ласкающая душонка Павлушка Челночек (И. Элобин). Все это взято социально крупно, сыграно зло и характерно.

Последний спектакль, показанный грибоедовцами во время декады, — «Хеисберги Гоча» — мало что прибавляет и облику театра, но лишь укрепляет сложившееся о нем представление. Театр играет эту романтическую пьесу-легенду (режиссер Д. Антадзе) с должной степенью вкуса и, как всегда, правдиво: ему удается счастливо избежать ложного пафоса и декламационности. Нельзя не отметить работы А. Ермакова, который создал эпитетический образ старейшины Гочи, нельзя не позавидовать театру, сумевшему «выставить» в этом спектакле сразу трех молодых героев: мечтательного пылкого Омиса — Ю. Шевчука, сдержанного Гелу — В. Никифорова, веселого и преданного в дружбе Торкая — Н. Троянова. Спектакль звучит патристически, идея его благородна.

Есть высокий смысл в том, что в Тбилиси, городе прочных русско-грузинских связей, в окружении блестящих национальных коллективов живет и работает театр, несущий ния замечательного русского писателя и приверженный и русской сценической традиции. Как когда-то великая Ермолова замечательно играла Зейнеб в драме Сумбатова, оставаясь при этом русской актрисой, так Театр имени Грибоедова находит свое место в системе грузинского искусства, являясь живым свидетелем дружбы обоих народов.

З. ВЛАДИМИРОВА

Интервью с газетой 11.11.58.